

М.В. Бабич (Москва)

ВОЕННЫЙ СУД НАД ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ С.И. СУКИНЫМ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ «СЧЕТ» НАЧАЛА 1730-х ГОДОВ

ИЗ МНОГОЧИСЛЕННЫХ СЛЕДСТВИЙ и судов над государственными и военными деятелями первой половины XVIII в. затронутый в настоящей статье процесс «бывшего генерал-провиантмейстера» Семена Ивановича Сукина выделяется прежде всего тем, что не выступил в привычной для эпохи роли оформления политической воли верховной власти. Будучи создан 8 января 1733 г. вследствие одобрения Анной Иоанновной доклада Счетной провиантской комиссии о виновности нынешнего сенатора в «преступлении Регламента и в слабой команде», он опроверг эти обвинения, предоставив Сенату основания для оправдания 16 января 1735 г. С.И. Сукина и «требования» высочайшего указа о его восстановлении в правах присутствующего. Эта рекомендация, согласно которой генерал-майор подал соответствующую челобитную, правда, не была принята к исполнению, но он вместо возвращения звания сенатора получил достаточно значимое назначение киевским губернатором¹.

В материалах его так называемого генерального кригсрехта, целиком сохранившихся в сенатском архиве², есть также сведения, небезынтересные для характеристик отдельных представителей генералитета и для изучения провиантского довольствия армии по переводу ее содержания в 1724 г. на подушную подать. С точки зрения расширения понимания взаимосвязи собственно военного строительства и развития государственности периода важен и впервые устанавливаемый ими факт приобретения еще одним сугубо военным судом³ статуса подведомственной Сенату правительственной комиссии. Комиссии, которая в отличие от Воинского суда 1723 г. над членами Военной конторы,

оставшегося малоизвестным свидетельством кампании за повышение административной дисциплины, и Суда над полковником Ф.А. Доригни, чьим приговором Кабинет министров пренебрег⁴, оказала определенное влияние на ход общеимперской акции по ревизии финансово ответственных учреждений и лиц, провозглашенной именованным указом от 30 марта 1732 г. Последний аспект истории органа, чаще всего называвшегося Учрежденной комиссией военного суда⁵, и станет предметом рассмотрения в первую очередь.

Сама заявленная 30 марта 1732 г. попытка «для лучшего порядка и правого исчисления всех государственных денежных, провиантских и прочих приходов и расходов генерально считать все те места, где имелись такие»⁶, довольно согласно трактуется учеными разных школ и поколений. Регулярный финансовый контроль — необходимый элемент правильного хозяйства с ежегодным бюджетом⁷, задачу которого поставил Петр Великий. А поскольку его преемники, вопреки долгим неудачам, не отступались от решения этой задачи, то и аннинскому правительству было присуще стремление преодолеть хаотическое состояние денежной отчетности, активно стимулированное ростом налоговых недоимок и надеждами пополнить казну посредством выявления «непорядков» в распоряжении ею⁸.

Вполне закономерно, добавим от себя, что приоритетное внимание обращалось при этом на штатное обеспечение сухопутных войск, обходившееся почти в 4 млн р. в год, управление которым было недавно (28 октября 1731 г.) реорганизовано. Так что «счет» слитых в результате в Генеральный кригс-комиссариат учреждений, «ведавших» жалованьем и материальным снабжением полевых и гарнизонных частей (Кригс-комиссариата) и их — на около 1,3 млн из общеармейской суммы — провиантом (Провиантской канцелярии), поручили комиссиям под эгидой Кабинета министров, Счетной кригс-комиссариатской и Счетной провиантской⁹. И был чрезвычайно сложен не просто в силу предполагавшегося охвата крупнейших государственных затрат, но и в силу самой существовавшей тогда процедуры «счета» (проверки, равно обозначававшейся понятиями «ревизии» и «свидетельства»), при которой «считаемые» должны были доказать «считавшим» правомерность совершенных операций и само их совершение определенными документами и (или) чьими-то показаниями (свидетельствами в буквальном смысле слова).

Провести такую процедуру сколько-нибудь широко с начала XVIII в. еще не удавалось никому — ни обязанной постоянно осуществлять ее в масштабах страны Ревизион-коллегии (а еще раньше Ближней канцелярии), ни другим «коллегиям и канцеляриям», которые обязывались к тому же относительно самих себя, ни контингентам, время от времени специально мобилизуемым на то и другое. Теперь учет дальнейшего казенного оборота от 1732 г. опять «генерально» возлагался на заново переустроенную Ревизион-коллегию. Комиссии же — кроме кабинетских, еще 9 сенатских — должны были «сосчитать» каждая свое центральное «ведомство» с подчиненными ему «местами» между 1732 и 1719 гг. (до которого всякие злоупотребления уже были уничтожены в честь Ништадтского мира 1721 г.).

Причем их шансы на успех сравнительно с предшественниками повышало последовательное внедрение в 1720-е гг. общеобязательных «форм», которые ориентировались на Адмиралтейский регламент от 5 апреля 1722 г.¹⁰ И предписывали довольно простое по сути «сочинение» ежегодных «счетных выписок» (или «счетных списков», тоже именуемых «счетами») в виде хронологических перечней «приемов» и «отпусков» каких-либо средств с отсылками к удостоверяющим их «указам» / «распискам» и итогами по их остатку / будущей «доимке». Теоретически «исправность» этих документов («счетов»-перечней) — составление по заданному образцу и наличие «свидетельствующих» изложенное подписей начальствующего персонала — позволяло ревизирующей инстанции лишь сравнить их с документами первичными (в основном, приходо-расходными книгами) и найти «упущенные» на низовом уровне «несходства».

Но на практике «счетоводство», тем более «исправное», нормой жизни еще не стало, что не было тайной для «верхов», где и десятилетия спустя сетовали на «неизвестность» «многих миллионов государственной казны»¹¹. А в 1730-е гг. из того, что «в ревизию ниоткуда не присылают счетов», выводили чуть ли не главную причину «всем непорядкам и воровству», как писал знаменитый обер-прокурор Сената А.С. Маслов¹². Откуда в значительной степени и отчетливо выраженные при открытии ревизионной кампании ожидания массового вскрытия «начетов, казенных долгов и доимок», и приданные комиссиям «воинского счета» полномочия широкоохватных следствий вплоть до «генералитетских особ».

Другое дело, что данные им с мая до конца 1732 г. распоряжения демонстрируют преимущественно твердость высказанного 30 марта 1732 г. намерения и готовность снабдить его исполнителей неординарно мощными канцелярскими с беспрецедентно высоким субсидированием. Но не конкретные представления сенаторов и «министров», как, за вычетом стандартных «понуждений» к высылке запрашиваемых «ведомостей», названным институтам добиться поставленной цели. Единственным исключением стала инициатива Кабинета министров о ежемесячном рапортовании оттуда (с табличным разнесением «по пунктам») о количестве находящихся в обработке и «решенных» (по которым завершены все предусмотренные законом «справки») «счетов» в их денежном эквиваленте, возвращенных по ним и остающихся к выплатам самими должниками, их начальниками и наследниками суммах, а равно и о комиссиональных входящих и исходящих — указах, промемориях, донесениях, челобитных и определениях.

Проведенный в Кабинете 7 ноября 1732 г. сравнительный анализ рапортов о «счете» Кригс-комиссариата и Провиантской канцелярии по параметрам документооборота, давший цифры в 268 и 608 единиц¹³, показывает, что правительство было склонно искать упорядочения своего финансового положения именно на пути совершенствования оформления «бумаг». Оставляя при этом известную свободу рук и обеим комиссиям, которые воспользовались ею по-разному.

Комиссариатская комиссия, направляемая полковником М.И. Философовым в духе заданной Воинской комиссией 1730 г. установки на налаживание «счетов при полках»¹⁴, сосредоточилась на работе с отвечающими за хозяйственную часть офицерами, «начеты» на которых (обычно за несколько лет службы) колебались от менее одного до около 350 р., а растрат не «явилось» вовсе. Вместе с более «прибыльными» проверками подрядчиков мундира и амуниции она, рассмотрев за два года непрерывных трудов обращение до 3 млн р.¹⁵, признала из них «начетными и штрафными деньгами» менее 9 тыс. р., а собрать сумела всего около 2 тыс.¹⁶

Проблема, стоявшая перед Провиантской комиссией, объективно была уже, ввиду втрое меньшей величины продовольственных расходов относительно прочих, их отдельного исчисления с 1724 (а не с 1719) г. и исключения из поля зрения «управителей

сборов» там, где провиант и фураж не заготавливались. Зато в городах и крепостях, где заготовки постоянно или хотя бы изредка бывали — Провиантская канцелярия зафиксировала их около 80 — к обслуживанию оптовых закупок за наличные выплаты привлекались «купчины», посадские целовальники и городовые дворяне, взыскания с которых были эффективнее, чем с обычно «штрафуемых» из жалованья чиновников и военных. Это, по-видимому, сыграло свою роль в получении комиссией с «ее» должников до 8 тыс. р., истраченных, впрочем, на собственное содержание¹⁷.

Во всяком случае четырехкратное превосходство «провиантских» показателей по восполнению государственных убытков над «комиссариатскими» не было обеспечено тоже кратной частотой отправленных в подконтрольные инстанции «указов». Обращение к донесениям Провиантской комиссии в Кабинет¹⁸ не оставляет сомнений, что сама она «счетов», по которым столь блестяще отчитывалась, не вела, опираясь в своих выкладках лишь на прежде «сочиненные» в Провиантской канцелярии (пусть и непрерывно аттестуемые как неисправные).

Возникает даже впечатление, что ее деятельность только и заключалась в бесконечном тиражировании запросов в ту же канцелярию и в «губернии и провинции» с угрозами за их неисполнение, отчасти воплотившимися в налагаемых на областную администрацию денежных штрафах и мерах, принимаемых командированными в Москву и на места преображенским капитан-поручиком А.И. Лопухиным и восемью рядовыми гвардейцами-«понудителями». Впечатление это, однако, не совсем верно, поскольку как раз в таких запросах комиссия впервые вербализовала целую программу, представшую в перечне «потребных» ей «ведомостей». А именно: о суммах, бывших в централизованном приеме данной структуры против оклада, и их отпуске (если был) в учреждения остальных «ведомств» с росписью «порознь» за каждый год «счета»; об остатке к «считаемому» сроку от прошлых лет и его употреблению; о статьях расхода имевшихся средств деньгами и натурой с аналогичной росписью предметов и объемов всевозможных покупок, поставок и подрядов с ценами, мерами, остатками и «передачами»; об именах и «счетах» всех, как-либо прикосновенных к перечисленным актам, должностных и выборных лиц с их выведенными, погашенными и пребывающими в доимке долгами¹⁹. Другими словами, сформулировано и

сведено воедино все то, что затем с чисто стилистическими изменениями и без оных вошло в Регламент Ревизион-коллегии, Инструкцию Генеральной счетной комиссии и иные «руководства» по выяснению как действительных государственных доходов, так и виновников их «непорядочного» поступления.

Достоверной информации о своих финансовых ресурсах власти в 1730-е гг., по общему признанию, так и не собрали, но в подготовке списков занятого в оперировании ими персонала некоторые успехи были налицо. Как уже приходилось отмечать, усилия по его «приведению в известность», которые в 1736–1739 гг. приняли системный характер относительно центрального аппарата, а также губернских, провинциальных и воеводских канцелярий, были тесно связаны с планами возложения на их служащих прямой материальной ответственности за любые казенные утраты²⁰. Установление Провиантской комиссией по данным Провиантской канцелярии²¹ около 470 человек военных и гражданских, задействованных в 1720–1730-е гг. в продовольственном снабжении армии, позволяет наблюдать начало складывания этих планов²² и соотнести их с фигурой возглавившего Провиантскую комиссию А.Я. Волкова.

В историографии он выступает, во-первых, как начальник канцелярии, а потом и член Военной коллегии, куда попал из личных секретарей кн. А.Д. Меншикова, на пике могущества которого стал генерал-майором и генерал-лейтенантом, а при его «падении» был сослан в свои деревни с лишением чинов и «кавалерии». И, во-вторых, среди авторов преобразовательных проектов середины 1720-х гг. и деятелей денежной реформы 1727 г.²³ Близкое сотрудничество А.Я. Волкова тогда с будущим кабинет-министром А.И. Остерманом, лидером аннинской финансовой политики, и возвращение всех прав с пожалованием в действительные статские советники в феврале 1732 г., накануне открытия всероссийского «счета», обнаруживают неслучайность означенного выбора. А смысловая и текстуальная однородность происходящих из Провиантской комиссии коллегиально подписанных материалов и подписанного одним ее председателем письмом на имя А.И. Остермана с реализованным затем предложением «собираения» уже функционирующих счетных комиссий в одну Генеральную²⁴ бесспорно указывает на него как на еще одного идеолога этой политики, убежденного в благодетельности предпринимаемого для пресечения

«упущений... е. и. в. высокого интереса» «искусством и прилежанием» верных слуг престола²⁵.

Принадлежащие перу А.Я. Волкова «записки» выделяются из других «рассуждений» на сходную тему как будто лишь более последовательным проведением мысли, что «упущениями» являются не только «начеты», доказанные в порядке «счета» как ревизии, но и всякая небрежность в его ведении как процесса. Но это не слишком бросающееся в глаза смещение акцентов превращало в «преступников указов» и добросовестных «казначеев», по разным причинам не справившихся с заполнением нормативных «форм», и оперативно не наказавших их «командиров», которых можно и нужно карать «по государственным правам» наряду со злокозненными «похитителями».

Сквозь призму такого подхода и был составлен доклад Комиссии А.Я. Волкова относительно С.И. Сукина, который в 1724–1731 гг. управлял сформированной им в качестве аппарата генерал-провиантмейстера (став таковым 20 августа 1723 г. по личному приказу Петра) Провиантской канцелярии. В декабре 1732 г. «ревизоры» этой канцелярии вменили ему отступление его «ведомством» от определяющих «счетное дело» артикулов, из-за чего в Комиссию не присланы необходимые документы, а по немногим присланным видны «неисправные статьи» и «слабое содержание» всей провиантской администрации. Поскольку С.И. Сукин, не подвергая своих подчиненных должным штрафам, подавал им якобы повод «к такому же преступлению и упущению и прочим непорядкам» в «счетах», накопив их за восемь лет «к бесчисленному, а многое и к невозвратному убытку». И пусть большая часть текста, давно опубликованного в «Бумагах Кабинета министров», представляет собой пересказ Адмиралтейского регламента и указов против просрочек в доставке уставных рапортов, логика их цитирования, подкрепленная внушительностью оцененных в 186 924 р. «неисправ» и резюме о «важности дела», выносимого на высочайшее усмотрение, до сих пор убеждает историков в нечестности или хотя бы служебной несостоятельности обвиняемого²⁶.

В сложившемся контексте не имеет значения, исходил ли А.Я. Волков при этом из чисто идеологической позиции или личных чувств к генерал-майору, сделавшему не штабную, а боевую карьеру и никак не поплатившемуся за бытность в окружении А.Д. Меншикова²⁷. А может быть, и искал одобрения нового

президента Военной коллегии гр. Б.-Х. Миниха, который тоже успел возмутиться неприсылкой из Провиантской канцелярии нужных его Воинской комиссии донесений (и в своих позднейших мемуарах голословно приписал С.И. Сукину взяточничество)²⁸. Резолюция Анны Иоанновны о предании военному суду и назначение Военной коллегией во главе с тем же Б.-Х. Минихом его презусом (первоприсутствующим) генерала А.И. Ушакова, не только лейб-гвардии подполковника и сенатора, но и начальника Тайной канцелярии, казалось бы не сулило С.И. Сукину ничего хорошего. Но, парадоксальным образом, вручение его «дела» зловещему в глазах потомков хозяину «Бастилии на Заячьем острове», который в действительности сочетал следственный опыт с боевым, командным и административным, а также пользовался доверием и авторитетом у императрицы, и сыграло в судьбе генерал-майора счастливую роль.

Она решилась в сущности в первые две недели существования Учрежденной комиссии военного суда, открывшей свои заседания 24 января 1724 г. Сразу же ознакомив С.И. Сукина, ни на кого не заявившего «подозрений», с докладом Провиантской комиссии, презус и ассесоры²⁹ (генерал-майоры кн. Н.Ю. Трубецкой и Л.-А. фон Бисмарк, полковники Г.-Г. фон Адельсдорф и Т.С. Тишин, подполковники М.П. Салтыков и Ф.В. Норов) при участии коллежского генерал-аудитора Ф. Центарова отказали в предоставлении «списка» с него — по нормам «процесса военного артикула» 1715 г. (обосновав данное отступление от «формы суда» 1723 г. тем, что следствие по ней уже было). Но уже при расписывании текста этого доклада генерал-аудитор-лейтенантом Г.Е. Алферьевым на «пункты», допрос по которым состоялся 29 января, исчез его обличительный пафос. А сами вопросы: всем ли подчиненным давал «от себя инструкции», какие из них «по Регламенту... от вас считаны», для чего «по нынешнюю ревизию свидетельствованы денежные провиантские суммы» всего на 1 819 637 р., а показанные в «счетных списках» этого свидетельства 186 924 р. «начетов, передаточных, штрафных и недочетных денег...оставлены ль без следствия с конечной очисткой»³⁰, — ориентировали ответчика на опровержение выдвигаемых обвинений.

Их мнимость, вероятно, уже на стадии единственного «слушания» была очевидна участникам, довольно искушенным в управлении военным хозяйством вообще и применении «провиантских регул» в частности, чтобы поверить Провиантской

комиссии, будто бы С.И. Сукин должен был последние, т. е. петровскую Инструкцию генерал-провиантмейстеру 1724 г., «пополнять» или знать наизусть имена провинциальных расходчиков и приемщиков хлеба и овса. А полученные разъяснения по организации всей провиантской системы и специфике «счета», из-за которой «неисправности» одного года уменьшаются по мере перевода «в приход», восполнений по ним «в другие разные годы», почему «верность и труды» может «явить» только «счет» полный (или, точнее, для их адекватной оценки нужно видеть динамику процесса), легли в основу последующих занятий Учрежденной комиссии.

Занятия эти начались «приговорами» от 7 и 9 февраля 1733 г. о донесении в Сенат, что «по делу со Счетной комиссией надлежат быть справки», включая вызовы ее членов «к персональному доказательству», и отношения в Военную и Камер-коллегии, Штатс-контору и другие инстанции по «касающимся по делу» фактам. И продолжались, вплоть до возобновления в декабре 1734 г. заседаний по постановлению «сентенции»³¹, сводясь к крайне мелочной на сегодняшний взгляд переписке за подписью одного А.И. Ушакова по неизменным за два года «пунктам».

В реалиях же 1730-х гг., надо думать, как раз методичное, «пункт» за «пунктом» подтверждение наличия в Сенате неисполненных представлений С.И. Сукина об отсутствии канцеляристов, которых бы требовалось определить к «производству счетов», в Провиантской канцелярии — протоколов о рассылке печатных «регул» и «многих указов», а в Адмиралтейской коллегии — о командированиях туда к проведению подрядов строго «по Морскому регламенту» и т. д. позволили Комиссии А.И. Ушакова совершить невозможное. Не просто оправдать подсудимого, посланного вроде бы за вполне предпрешенным приговором, и вынести, так сказать, частное определение о «продерзости» Провиантской комиссии, которая «доклад ея императорскому величеству учинила неправильно,.. не произведя, как надлежало, всего счета и не узнав всей правды»³². Но убедить правящие круги для этой «правды» перевести весной 1733 г. из Москвы в Петербург Провиантскую канцелярию с ее архивом, а Анну Иоанновну — отклонить (1 ноября 1733 г.) протесты членов Комиссии А.Я. Волкова против «ответствования» перед не над ними наряженным судом. И, наконец, сенаторов, что вина по «некоторым в счетах неисправностям, которые произошли

от невозможностей (канцелярского недокомплекта. — М. Б.)» не может квалифицироваться как «важное» «преступление указов и Регламента»³³.

В таких условиях Кабинету в лице А.И. Остермана, явно подерживавшего инициативу покойного А.Я. Волкова, оказалось не под силу обратить денежный «счет» в преследование как повредителей государственного интереса тех, кто был изблещен не «в краже чего казенного»³⁴, а лишь в делопроизводственных погрешностях. И хотя впечатляющие итоги коммиссионального следствия — во взаимодействии с которым и Провиантская канцелярия из пресловутых 186 924 р. 162 999 р. «очистила»³⁵ — не заставила изменить самих приемов «нынешней ревизии», ни один из ее органов уже не пытался отступить от принципа налогообложения на непричастных к «краже чего казенного» исключительно материальных «штрафований».

Этот, убеждена, существенный вклад сугубо военной по внешним атрибутам коммиссии в политическую историю первой половины XVIII в., как и восстановление доброго имени С.И. Сукина, не приобрел резонанса в современном ему общественном мнении. Но исследователями впредь должен приниматься во внимание. Как и то обстоятельство, что «воинский счет», давший импульс его «делу», по совокупности усилий перечисленных коммиссий 1732–1734 гг. не охватив более 4 млн р. (вместо около 50), все же был продуктивнее прочих и, главное, не выявил преднамеренного разбазаривания средств, падающих многообразными «тягостми» на всю нацию.

¹ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1898. Т. 2. С. 12–16 (Сб. РИО. Т. 104). (Далее — Бумаги Кабинета. Сб. РИО); РГАДА. Ф. 248. Кн. 2076. Л. 71–72; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 114. С. 41.

² РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 1–696.

³ По Воинскому уставу 1716 г., кригсрехтом в ранге генерального — подобно всем неразрывным со следствиями (фергерерами) судам, которым подлежали правонарушения генералитета и штаб-офицеров: Розенгейм М.П. Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Первого. СПб., 1878. С. 79–85, 134–160.

⁴ Бабич М.В. Государственные учреждения XVIII в.: Комиссии петровского времени. М., 2004. С. 343–344; Ее же. Странное «дело» о полковнике Ф.А. Доригни // Война и оружие. Новые исследования и материалы. Шестая Международн. научно-практич. конф. СПб., 2015. Ч. 1. С. 82–96.

⁵ Другие отраженные в его делопроизводстве наименования: Военная комиссия, Военный суд, Воинский генеральный суд, Генеральный кригсрехт, Дело Счетной провиантской комиссии с генерал-майором С.И. Сукиным, Следствие над генерал-майором С.И. Сукиным, Учрежденный военный суд, Учрежденный военный суд о бывшем генерал-провиантмейстере, что ныне генерал-майор и кавалер, господине С.И. Сукине, Учрежденный генеральный кригсрехт: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 18, 27, 35, 56, 94, 171, 268 и др.

⁶ ПСЗ. Т. 8. № 6012.

⁷ Бюджет как планомерную смету доходов и расходов в России удалось официально учредить лишь в 1862 г., но фактически аналогичные росписи стали составляться с 1780-х гг.: Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008. Т. 1. С. 19; Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 264–265.

⁸ Бочковский Ф.И. Организация государственного контроля в России сравнительно с государствами Западной Европы. СПб., 1895. С. 16, 27–28, 54–58; Бондаренко В.Н. Очерки финансовой политики Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны. М., 1913. С. 284–285, 289, 297, 354–362, 369, 376–381; Конаев А. Финансовый контроль в дореволюционной России (Очерки истории). М., 1959. С. 27–31; Троицкий С.М. Указ. соч. С. 23–26.

⁹ Карпеев И.В. Генеральный кригс-комиссариат // Государственность России: Словарь-справочник. М., 1996. Кн. 1. С. 144–145. Следует учитывать, что прежние структуры «бывших» Кригс-комиссариата и Провиантской канцелярии по образовании Генерального кригс-комиссариата несколько лет еще продолжали функционировать, названными средствами (ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5819, 5864) более официально не распоряжаясь. О создании «считавших» их комиссий см.: ПСЗ. Т. 8. № 6038, 6061, 6063.

¹⁰ «Преступление» которого и приписывала С.И. Сукину Счетная провиантская комиссия.

¹¹ Корчмина Е. «Многие миллионы государственной казны в неизвестности находятся»: Недоимки по подушной подати в 1720–1760-х гг. // Российская история. 2013. № 5. С. 88.

¹² Соловьев С.М. История России с древнейших времен / Соч. М., 1993. Т. 20. С. 466.

¹³ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 310.

¹⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5571, 6003. М.И. Философов участвовал в работе этой комиссии лично: Ф. 248. Кн. 389. Л. 404; Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 104. С. 286.

¹⁵ Без учета не переведенной в рубли иностранной монеты и не целиком рассчитанной стоимости материального довольствия.

¹⁶ РГАДА. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 201–203 об., 460–462 об.

¹⁷ Там же. Кн. 498. Л. 198–257 об.; Кн. 1099. Л. 463–466 об.

¹⁸ Там же. Ф. 248. Кн. 1099. Л. 284–375.

¹⁹ Там же. Л. 155–159.

²⁰ Областные правители России, 1719–1739 гг. / Сост. М.В. Бабич, И.В. Бабич. М., 2008. С. 9–13.

²¹ Даже в сохранившейся своей части (Центральный государственный архив древних актов СССР. Путеводитель / Сост. Ю.М. Эскин, М.В. Бабич, Е.Ф. Желуховцева. М., 1992. Т. 2. С. 126–127), кажется, никем еще не изучаемой.

²² РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 374–416 об.

²³ Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 18. С. 561–564; Серов Д.О. Администрация Петра I. М., 2007. С. 31–32; Юхт А.И. Государственная деятельность В.Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII века. М., 1983. С. 195–196, 204–215.

²⁴ Проекты аннинских времен // Памятники новой русской истории: Сб. историч. статей и материалов / Изд. А.Ф. Базунова. СПб., 1873. С. 278–283.

²⁵ О пассивности в этом смысле остальных членов (отозванного в июле 1733 г. в действующую армию полковника П.М. Шипова и оставшегося до конца оберкригс-комиссара И.С. Савельева) говорит то, что с болезнью и смертью (19 мая 1733 г.) А.Я. Волкова его комиссия самостоятельные шаги предпринимать перестала.

²⁶ Тургенев А.И. Российский двор в XVIII в. / Пер. с фр., примеч. и указатель имен Д.В. Соловьева. М., 2005. С. 511; Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: Очерки политической истории послепетровской России, 1725–1762 гг. Рязань, 2003. С. 190.

²⁷ Офицерские сказки первой четверти XVIII века: Полевая армия: Сб. док. / Сост. К.В. Татарников. М., 2015. С. 1832–1833; Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова, 1716–1720, 1726–1727 гг. / Публ. С.Р. Долговой, Т.А. Лаптевой. М., 2000. С. 387–388, 390–391, 398–399, 402–403, 406–409.

²⁸ ПСЗ. Т. 44, ч. 1. № 5812. § 39; Миних Б.-Х. Очерк управления Российской империи // Перевороты и войны / Сост. А. Либерман, В. Наумов. М., 1997. С. 303.

²⁹ Эти наименования присутствующих подчеркнuto сохранялись относительно членов кригсрехтов как отличие от присутствий прочих «коллегий и канцелярий».

³⁰ РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 6–13 об.

³¹ Между февралем 1733 г. и 10 декабря 1734 г. Комиссия собиралась в полном составе только 22 мая, 11 и 17 июля и 20 сентября 1733 г., с заменой 16–20 декабря 1734 г. отбывших из столицы Л.-А. фон Бисмарка, Г.-Г. фон Адельсдорфа, Т.С. Тишина и М.П. Салтыкова генерал-майором С.Л. Игнатьевым, полковниками С.Я. фон Каркетелем и бар. фон Икскулем, а Г.Е. Алферьева — А. Фливерком: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 14–26 об., 171–171 об., 267–268, 279–280, 421, 633, 635–636.

³² Там же. Л. 685 об.

³³ Там же. Кн. 2076. Л. 71–72.

³⁴ Цитирование содержащего положение о признании «злодеем» подозреваемого в похищении казны только после изобличения в этом сенатского дополнения к «форме суда» от 3 мая 1725 г. (ПСЗ. Т. 7. № 4713) было отдельно внесено в первый же протокол Комиссии А.И. Ушакова, для чего, возможно, и понадобилось пространное рассуждение о причинах отступления в данном случае от этой «формы»: РГАДА. Ф. 248. Кн. 498. Л. 5–5 об.

³⁵ Иначе говоря, подтвердила законность проверяемых действий или доказала имевшие место нарушения финансовой дисциплины с вынесением соответствующих определений в адрес нарушителей.